

Title	:	XVIII
Author(s)	,	
Citation	Acta Slavica Iaponica, 35, 27-53	
Issue Date	2014	
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/60015	
Type	bulletin (article)	
File Information	ASI35_002.pdf	

[Instructions for use](#)

Изобретение традиций: репрезентация Российской империи среди кочевников Северного Прикаспия в XVIII веке*

ЖАНАТ КУНДАКБАЕВА

После строительства Царицынской укрепленной линии в 1717 году начался новый виток расширения Российского государства. Объектом внимания России стала обширная территория евразийских степей. Но для дальнейшего движения на восток России надо было перешагнуть северное побережье Каспийского моря, населенное преимущественно кочевниками.

В данной статье изучается имперская «созидательная работа по строительству региона»¹ в Северном Прикаспии в XVIII веке. Как верно отметил Sunderland «имперская власть состоит как из культурных аспектов, так и фактического обладания территорией и господством над народом его населяющим, поэтому, следовательно, важным является, как империи правила, и как они представляли владычество».² В связи с этим представляется важным рассмотреть опыт интеграции кочевого населения северного побережья Каспия в империю. Изучение его дает нам замечательную возможность увидеть, что наряду со строительством укрепленных линий и продвижением государственных границ, в арсенале российской политики уже на ранних этапах развития империи были ненасильственные методы вовлечения кочевников в имперское пространство.

Ввиду отсутствия ресурсов для военного завоевания Российская империя стремится установить свою власть над кочевниками символически — через взаимодействие с ритуальными и культурными практиками казахов и калмыков. Основная идея статьи в том, что процесс приобщения населения Северного Прикаспия к имперскому пространству идет путем трансформации культурно-символической структуры кочевников: их социальной градации, ритуалов, институтов власти, правил поведения, ценностных установок и даже образа жизни. Для анализа культурно-символических средств, с помощью которых Российская империя устанавли-

* Первоначально данная статья была представлена в виде доклада на семинаре в марте 2010 г. в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо. Я благодарю всех участников семинара за их критические замечания и предложения. Выражаю также признательность профессору Центра Томохико Уяма за ценные советы методологического характера, благодаря которым появился замысел доклада.

1 Цит. по Willard Sunderland, *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Ithaca and London: Cornell University Press, 2004), p. 223.

2 Sunderland, *Taming the Wild Field*, p. 228.

ливает свою власть над кочевым населением Северного Прикаспия, используется понятие «изобретенная традиция» Эрика Хобсбаума.³

Это был воображаемый проект, который проходил под знаком имперско-государственной универсализации. Изучение власти и политики в контексте культурной истории позволяет нам увидеть, как Российская империя смогла гибко приспособиться к неравномерному имперскому пространству⁴ и что необходимо учитывать все факторы, составляющие специфику языка политики Российской империи в отношении народов окраин. Язык политики не сводится только к словам и институциональным действиям. С другой стороны, изучение проблем экспансии имперской идеи и новых техник убеждения в кочевой среде позволит по-новому взглянуть на влияние имперских организаций, на формирование ценностей, повседневных ожиданий и норм поведения поданных империи.

В современных исследованиях имперской истории региональный подход признан приоритетным в изучении истории Российской империи. Между тем, до сих пор четко не определены критерии выделения регионов, особенно на восточных окраинах. Как указывала группа американских историков «регионы сложные по своей природе и неустойчивые конструкции, создаваемые постоянно эволюционирующими системами управления экономикой, событиями и культурой».⁵

В западной историографии сложилась традиция изучать регионы Степной Евразии, населенные кочевниками как единый Степной реги-

3 Eric Hobsbawm, "Introduction: Inventing Traditions," in Eric Hobsbawm and Terence Ranger, eds., *The Invention of Tradition* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983), pp. 1-15, here p. 1.

4 Если раньше исследователи видели в империи скорее политический или социальный контекст, определявший специфику процессов государственного строительства, то, по словам, А. Семенова, современные исследования возвращают нас к определению империи как субъекта. Империя в современных исследованиях выступает агентом внешнеполитической мощи и автором внутриполитических практик гибкого приспособления к неравномерному имперскому пространству. Дж. Бурбанк считает, что создание и выживание государства на огромных территориях — «неоспоримое творение народов евразийской равнины». Д. Ливен настаивает на необходимости изучения опыта континентальных империй по управлению протяженным пространством и мультиэтничностью и утверждает, что этот опыт вполне сопоставим по эффективности с опытом колониальных империй. См.: D. Lieven, *Empire: The Russian Empire and Its Rivals* (New Haven and London: Yale University Press, 2002); Jane Burbank and Mark von Hagen, "Coming into Territory Uncertainty and Empire," in Jane Burbank, Mark von Hagen and Anatoly Remnev, eds., *Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930* (Bloomington: Indiana University Press, 2007), pp. 1-29, here p. 16; Семенов А. Англо-американские исследования по истории Российской империи // Герасимов И.В., Глебов С.В., Каплуновский А.П., Могильнер М.Б., Семенов А.М. (ред.) Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань: «Центр исследований Национализма и Империи», 2004. С. 619.

5 Цит. по Sunderland, *Taming the Wild Field*, p. 224.

он в рамках концепции фронтир.⁶ Но как показал опыт российской экспансии — Степная Евразия, далеко неоднородная и в географическом отношении,⁷ стала частью Российской империи не одновременно. Я предлагаю отталкиваться от геополитического и хронологического принципа и на этой основе в изучении интеграции Степной части Евразии к России выделять в составе евразийских степей следующие регионы: Северный Прикаспий, Степной край (область расселения преимущественно казахов Среднего Жуза и части Младшего Жуза), Туркестан (казахи Старшего Жуза, узбеки, таджики и киргизы) и Восточный Прикаспий (область расселения казахов Мангышлака и туркмен). Интеграция каждого из них в состав Российской империи имела свою специфику, которая зависела от внутривосточной и геополитической ситуации. Они требуют к себе отдельного внимания, так как были включены в состав империи в разное время и при разных обстоятельствах.

Таким образом, в данной статье рассматриваются особенности интеграции степных регионов Северного побережья Каспийского моря. В XVIII в. биологические и минеральные богатства Каспия еще не были открыты. Но на протяжении XVIII в. Российская империя имела устойчивые геополитические интересы в Северном Прикаспии. Важность обладания северным побережьем Каспийского моря для России заключалась в его стратегической значимости, обусловленной географическим положением. Северный Прикаспий находился на перекрестке областей фронтирного соперничества: Северного Причерноморья, Кавказа и Центральной

6 А. Каппелер, классифицируя различные типы фронтиров Российской империи на востоке, выделяет два: степная граница на юге и юго-востоке и лесная граница на северо-востоке и востоке. Он показывает, что Степную границу можно рассматривать как географическую — между лесом и степью, социально-экономическую — между оседлыми и кочевыми образами хозяйства, религиозно-культурную и военно-политическую. См.: Каппелер А. Южный и Восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 60–61; М. Ходарковский евразийские степи изучает как Степной фронтир, очерчивая его от Дона до озера Балхаш. См.: Michael Khodarkovsky, *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800* (Bloomington: Indiana University Press, 2001); Японский ученый К. Мацузато видит Российскую империю как конгломерат макро-регионов и выделяет следующие. Волга-Уральский, Левобережная Украина, Западные и Остзейские провинции, Степь и Западная и Восточная Сибирь. См.: Kimitaka Matsuzato, "Introduction," in Kimitaka Matsuzato, ed., *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* (Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007), pp. 5–17, here p. 7; Так, например, американский исследователь Willard Sunderland рассказывал историю как западные окраины евразийского степного пояса, так называемые Понто-Каспийские степи стали регионом российской империи. См.: Sunderland, *Taming the Wild Field*.

7 Так, например, американский исследователь Willard Sunderland подчеркивает: «Степи, которые различаются почвой, флорой, климатом также различаются плотностью населения, экономическим профилем, этнической концентрацией и, следовательно, в этой связи, ясная классификация затруднительна». Sunderland, *Taming the Wild Field*, p. 206.

Азии.⁸ О наличии здесь региональных интересов Российской империи свидетельствуют логическая целостность и внутренняя последовательность делопроизводственных материалов трех фондов Архива внешней политики Российской империи: фонда киргиз-кайсаков, фонда калмыков и фонда туркмен. Данные фонды были сформированы в архиве по страноведческому принципу, но внутреннее содержание документов, их зависимость друг от друга говорят о том, что центральное правительство рассматривало область расселения калмыков и казахов вокруг северного побережья Каспийского моря как один целый регион.⁹

Для Российской империи Северный Прикаспий стал своеобразным полигоном, где были апробированы разные методы вовлечения и удержания в составе империи народов с другими типами экономики и социокультурного устройства. В Архиве внешней политики Российской империи сохранилось огромное количество разнообразных документов, которые говорят о том, что на всем протяжении XVIII века для репрезентации своей власти кочевым народам Северного Прикаспия, Российская империя не жалела ни сил, ни средств.¹⁰

Но какие бы методы завоевания региона не использовала Россия, какие бы технологии для удержания населения не придумывала, это было, как и в случае с Цинской экспансии частью глобального процесса. Такой взгляд — как отмечал Peter Perdue «не смотреть на каждый имперский опыт как уникальный, а видеть его в глобальной перспективе»,¹¹ пред-

8 С запада Северный Прикаспий окружали степи Северного Причерноморья — зона соперничества между Россией, Ираном и Турцией. На юго-западе — Кавказ, область соперничества между Россией и Турцией. С востока — Центральная Азия, объект борьбы между Россией и Китаем. К тому же Северный Прикаспий стал неким географическим рубежом, через который перешагнула Россия в продвижении на Восток.

9 Региональный принцип формирования архивных фондов появился в АВПРИ в XIX веке. В это время в системе управления Российской империи возникли межведомственные органы, в заседаниях которых вырабатывалась единая линия, выявлялись и согласовывались ведомственные интересы, формировалась политика империи в отношении определенного региона. К таковым относятся Азиатский Комитета МИД (1820–1850 гг.), Особые комитеты по китайским и японским делам, Амурский комитет и т.д. См.: «Для рассмотрения всех вообще азиатских дел составить Особый комитет». Документы об Азиатском комитете. 1819–1848 гг. [<http://myaktobe.kz/archives/38390>].

10 Такие делопроизводственные документы как: материалы посольств, выписки о жалованиях, ведомости и инструкции Коллегии иностранных дел на изготовление патентов, грамот и договоров, на оплату услуг мастерам, изготавливающих именные оружие кочевой знати являются свидетельством того, что, в центральном правительстве шла целенаправленная работа по вовлечению местной элиты к империи.

11 Peter Perdue, *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia* (Cambridge, Massachusetts and London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005), p. 10.

ставляется весьма разумным. И в этой связи российский опыт формирования имперского пространства в Северном Прикаспии с помощью культурно-символических средств не представляется уникальным.

Но арсенал этих средств зависел от культурных практик, принятых в стране. И как раз культурно-символические средства делают каждый имперский опыт интеграции регионов уникальным. Так, например, огромная церемония цинов, празднующая уничтожение Галдана, предводителя джунгар проводилась по схожему с российским сценарию. Цины использовали те же символические эффекты, что и Россия, (при инаугурационных церемониях посажения казахский и калмыцких ханов на трон), например, пушечные залпы, парадные марши войск, совместный прием трапезы. Но в то же время монгольско-цинский ритуальный спор о выдаче тела Галдана цинам и последующий акт публичного «вандализма» над телом: триумфальное отделение головы, раздробление костей и рассеяния их на ветру на военном плацдарме в Пекине¹² и является примером различных представлений о средствах культурно-символического воздействия для утверждения своей власти.¹³

В то же время после того как в середине XVIII века цины буквально стерли с лица земли Джунгарское ханство, император Цяньлунь «должен был довольствоваться незавершенной победой», так как российские власти отказались выдать ему тело джунгарского предводителя Амурсаны и он не совершил принятый у цинов публичный акт.¹⁴

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ДЛЯ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ТРАДИЦИОННУЮ СИСТЕМУ ВЛАСТИ КОЧЕВНИКОВ

Российская империя начинает осваивать Северный Прикаспий, когда еще не было академических экспедиций и целенаправленного

12 Такой акт в представлениях цинов демонстрировал конечную точку в имперском уничтожении врага, как из человеческого, так и космического пространства. Только после того как его кости были получены, раздавлены и ритуально изгнаны из человеческой и даже физической сферы, его призрак был уничтожен навсегда. Для джунгар же отказ выдать тело Галдана является утверждением культурной ценности монгол: «мы не делаем врагами своих соородичей». Для них если Галдан продолжал существовать даже символически, то значит — Джунгарское государство снова поднимется. Perdue, *China Marches West*, p. 206.

13 Цинские публичные и частные ритуалы были составлены из комбинации конфуцианских, шаманских и тибетского буддизма практик (Evelyn Rawski цит. по Perdue, *China Marches West*, p. 205. Их исполнение было направлено на легитимацию власти цинов в завоеванных регионах. Среди ритуалов казни были «очень заметным спектаклем, через который династия демонстрировала свою силу и власть». Perdue, *China Marches West*, p. 205).

14 Perdue, *China Marches West*, p. 289.

этнографического изучения народов окраин.¹⁵ До середины XVIII века центральное правительство вырабатывает свой курс согласно представлениям руководителей местного аппарата — крупных государственных деятелей, ученых.¹⁶ Оказавшись на далекой окраине, они на месте знакомятся с кочевыми народами региона: их социальной структурой, мифами, ритуалами, институтами власти, правилами поведения и т.д. А затем использует эти «знания» для того, чтобы вмешиваться в структуру власти кочевников. «Эти знания» становятся той базой, на основе которых были изобретены новые традиции, помогавшие осуществить введение новой системы управления кочевниками.

Прежде всего, правительство знакомилось с порядком престолонаследия. Так, выяснилось, что в калмыцком обществе ханский титул считается законным, если он был получен от Далай-ламы. А у казахов —

15 Целенаправленное изучение степных регионов Евразии началось во второй половине XVIII века. За период с 1768 по 1773 гг. в юго-восточные окраины страны было отправлено 5 экспедиций, после которых остался богатый эмпирический материал, источником которого было личное наблюдение, переосмысление исторических данных, а также результаты полевого исследования. См.: *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770; *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1762; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1–3. СПб., 1773–88; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их жит. обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и др. достопамятностей. Ч. 1–2. СПб., 1799; *Лепехин И.* Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: В 1768, 1769 и 1770 году. Ч. 1–2. СПб., 1795–1802.

16 А.П. Вольнский (1689–1740) — один из знаменитых деятелей XVIII в., дипломат, внесший большой вклад в реализацию политики России с Персией и на Кавказе. С 1719 по 1724 г. был губернатором Астраханской губернии. И.К. Кирилов (1695–1737) — обер-секретарь Сената, первый руководитель Оренбургской экспедиции — квазиадминистративного органа, созданного после вступления казахов Младшего Жуза в подданство России, автор первого полного историко-географического и экономико-статического описания России сформировал штат Оренбургской экспедиции, заложил г. Оренбург, построил 5 новых укреплений в Оренбургском крае. В.Н. Татищев (1686–1750) — автор первого обобщающего труда по истории России, в разные годы возглавлял административные органы управления калмыками и казахами. В 1737 г. будучи начальником Оренбургской комиссии построил новые крепости по реке Урал, вел дипломатическую игру с казахским ханом Абулхаиром. В 1741 был руководителем Калмыцкой комиссии, а в 1741–1745 — губернатором Астрахани. П.И. Рычков (1689–1737) — первый член-корреспондент АН (1759 г.) работал в Оренбургском крае, стоял вместе с И.И. Неплюевым у истоков создания Оренбургской губернии. И.И. Неплюев — государственный деятель (1693–1773). С 1721 по 1742 г. был на дипломатической службе. С января 1742 по 14 марта 1744 возглавлял Оренбургскую экспедицию, в 1744–1758, являлся губернатором Оренбургской губернии. При Неплюеве был основан Оренбург, заложенный в 1743 вблизи устья Сакмары. В 1760 г. Неплюев назначен сенатором и конференц-министром.

«ханский титул получают по избранию народному, а не по наследству»¹⁷

Особое внимания было уделено изучению обряда интронизации ханов. Представители администрации поняли, что «театром власти»¹⁸ у казахов и калмыков было «поднятие хана — самый драматичный момент восшествия на трон».¹⁹

Хотя акт торжественного восшествия на престол и у казахов, и у калмыков восходит к одной древней тюрко-монгольской традиции, «ритуал исполнялся различно». Но это было типичным явлением, как убедительно показал в своем исследовании Ron Sela об исполнении церемонии на протяжении с XIII по XIX вв. Он подчеркивает, что хотя ритуал должен был следовать предписанной формуле, описание действительного ритуала всегда видится уходящей от оригинала.²⁰

Так, эта разница хорошо видна из описания двух обрядов, проведенных в отношении калмыцкого хана Церен-Дондука. Первый был проведен губернатором И.П. Измайловым в 1731 г. по российскому сценарию. Второй же был проведен 1735 г. представителями Далай-ламы, которые прибыли в калмыцкие улусы, чтобы дать Церен-Дондуку ханский чин. Данная церемония носила сугубо религиозный характер и проводилась по буддийским канонам.²¹

Обряд интронизации казахских ханов восходил к тюрко-монгольскому обычаю.²² Но к XVIII веку в нем появилось много изменений. В первую очередь, следует отметить наличие мусульманских элементов. Так инаугурация у казахов проводилась в пятницу, священный день по мусульманскому календарю,²³ при этом хан сидел — лицом к Мекке, мусульманской святыне. Данью мусульманству у казахов было начало и

17 Бакунин В. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 128; Доржиева Е. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону, 2002. С. 29; Донесение оренбургского губернатора И. Неплюева Коллегии иностранных дел об убийстве Абулхаира султаном Бараком // Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. Документ № 152. 26 августа 1748. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 394.

18 Ron Sela, *Ritual and Authority in Central Asia: The Khan's Inauguration Ceremony* [Papers on Inner Asia No. 37] (Bloomington, IN: Research Institute for Inner Asian Studies, Indiana University, 2003), p. 22.

19 Sela, *Ritual and Authority*, p. 1.

20 Sela, *Ritual and Authority*, p. 2.

21 Бакунин. Описание калмыцких народов. С. 29; Доржиева Е. Исход калмыков в Китай в 1771 г. С. 21.

22 Монах-францисканец Плано Карпини был послан к монголам в 1246 г. папой Иннокентием IV, монах — минорит Вильгельм де Рубрук был отправлен в 1253 г. французским королем Людовиком IX. Они посетили Золотую Орду и ставку монгольских ханов и оставили записки по описанию церемония возведения на трон монгольского хана. См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географиз, 1957. С. 76.

23 Sela, *Ritual and Authority*, p. 27.

завершение церемонии молитвой, а также клятва на Коране-священной книге ислама.

Во-вторых, в отправлении церемонии у казахов весьма заметны элементы степной демократии. Весь церемониал протекал в форме собрания, который открывал аксакал — самый уважаемый человек (не праву рождения, а по своим заслугам). Он представлял кандидатов и давал им возможность выступить перед народом. Они говорили о своих заслугах, о праве на ханский трон. После них выступали их сторонники. Каждый желающий мог высказать свое мнение. Возгласы одобрения или неприятия со стороны толпы — вот репрезентации, сопровождающие собрание.

Неизменной частью церемонии оставался ритуал поднятия хана на кошме.²⁴ Семиотику ритуала поднятия на кошме раскрыл Ron Sela.²⁵ Но вот «идентичность поднимающих на кошме»²⁶ всегда была разной. В классическом варианте кошму поднимали только чингизиды.²⁷ В казахском исполнении обряда кошму поднимали как султаны-чингизиды, так и би, батыры и баи — представители казахской родовой аристократии. Это было третья особенность исполнения ритуала у казахов. Она выражала символ согласия между чингизидами и казахской родовой знатью, что в реальности было основой институтов власти у казахов.

Четвертое изменение касается появления такого элемента как разрезание кошмы на части и стремление каждого участника церемонии унести кусочек кошмы, а иногда и ханских одежд как сувенир.²⁸

Ron Sela представляет большой спектр мнений (А.К. Гейнса — путешественника середины XIX в., А.И. Левшина — автора первой моно-

24 Например, информацию Коллегии иностранных дел как происходила церемония восшествия на трон казахских ханов в XVIII веке представил князь Урусов. См.: Журнал начальника Оренбургской экспедиции В.А. Урусова. 19 августа по 1 сентября 1740 // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 70. 19 августа – 1 сентября 1740 г. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 134–168; *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1–3. СПб., 1832. С. 126–127.

25 Sela, *Ritual and Authority*, p. 1.

26 Разница в отправлении церемонии существовала в числе и идентичности исполнителей ритуала, а также в цвете кошмы. Sela, *Ritual and Authority*, p. 37.

27 Чингизиды — прямые потомки Чингиз-хана по мужской линии, которым принадлежали наследственные права на верховную власть на всем пространстве покоренных монголами территорий, где действовали принципы официальной идеологии монгольской государственности. Эти права были закреплены политической традицией и продолжали действовать вплоть до середины XIX в., пока власть династии джучидов, потомков старшего сына Джучи не была сменена российской формой правления после завоевания Россией Старшего Жуза Казахстана. См.: *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме: Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-пресс, 2001. С. 24.

28 «По обычаю казахов, при возведении хана на трон было принято, чтобы каждый из присутствующих на церемонии получал от хана «что-нибудь, хотя по самому малому числу, даже лоскуток из платья, в котором был хан», в знак того, что он был при возведении хана», было отмечено в донесении И.И. Неплюева в Коллегию иностранных дел // КРО-1. Документ № 181. 1749. С. 479.

графии о казахах 1832 г.), пытаясь объяснить этот обычай. Так, Ron Sela говорит о том, что кусок кошмы в данном случае «является свидетельством того (вместо письменного документа), что они присутствовали на церемонии», другое объяснение — кусок кошмы — это «экспонат, который можно в некоторых случаях использовать, чтобы регулировать будущие претензии или показывать внукам». И его собственная объяснительная схема выглядит так, что «кусочек кошмы» — напоминание каждому присутствующему иллюзию и временной характер правительства, напоминание о смертности хана и того, что политическая база для поддержки может также исчезнуть.²⁹

Но согласно исследованию казахстанского антрополога З. Сурагановой разрезание кошмы является частью казахского обычая «хан талау», в основе которой лежит контагиозная магия.³⁰ Согласно этому обычаю люди делили имущество более удачливых собратьев, «дабы удача, богатство и т.д. «пристали» и к ним. Дележ предполагал как раздачу целых вещей, так и их частей, когда вещь разрывалась и раздавалась по принципу *pars pro toto* — часть вместо целого. Обряд «хан-талау» — яркий образец такого рода дележа. Участники церемонии выбора нового хана расходились по домам, унося с собой кусочки кошмы, расхватав при этом и уводя с собою весь принадлежащий хану скот, который немедленно заменялся ему потом сторицей одного из каждого рода, отделения и подотделения. Такого рода «расхват» ханского имущества назывался хан-талау, выражал честь иметь в каждом роде что-либо из имени благословенной особы...».³¹ Символические действия расхват, разрывание свидетельствуют о важной роли контагиозной магии в представлениях казахского народа. Таким образом, разрывание кошмы, равно как и разрывание одежды, имело целью получить частичку благополучия ее владельца.³²

Отдельного разговора заслуживают и знаки ханского отличия у казахов и калмыков. Знаки ханского отличия калмыцким ханам доставлялись от Далай-ламы специальным кортежем. Они представляли: шапку, платье, пояс с кошельком, в который обычно кладут чашу для питья, нож с ножнами, саблю, ружье и сайдак со стрелами и луком. Необходимым

29 Sela, *Ritual and Authority*, p. 53.

30 Фрззер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1983. Цит. по Сураганова З.К. Магия в основе казахской традиции дележа // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297 [www.group-global.org/storage_manage/download_file/6671].

31 Материалы по казахскому обычному праву: Сб. / Сост.: Т. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Алматы: Изд. АН Каз. ССР, 1948. С. 218. Цит. по Сураганова. Магия в основе казахской традиции дележа.

32 Разрывание как магическое действие уходит корнями в глубокую древность. У древних тюрков, согласно М. Кашгари, дорогая шелковая ткань разрывалась на лоскутки и раздавалась гостям, пришедшим на угощение к правителям и почтенным людям. См.: Сураганова. Магия в основе казахской традиции дележа.

атрибутом знаков власти были два знамени: одно от Далай-ламы, другое — от монастыря.³³

Знаки ханской власти у казахов представляли собой парадный вариант одежды султанского сословия.³⁴ Ханский наряд не имел каких-то особых отличий от традиционной одежды султанского сословия. Просто он всегда был новым, специально пошитым на этот случай. Пожалуй, знаками ханского отличия были трон и личная печать хана в виде перстня. Трон представлял собой не богатое украшенное, деревянное кресло, а установленную на возвышении подушку, устланную богато вышитой золотом и украшенной драгоценными камнями подстилкой.³⁵

Церемонии, проведенные Российской империей в отношении калмыков и казахов в XVIII в. «были официально установленными и запланированными», поэтому они «хорошо документированы».³⁶ В дневниках губернаторов и других представителей административного аппарата, которые их проводили, остались протокольного характера записи.³⁷

33 *Бакунин*. Описание калмыцких народов. С. 143.

34 Цветные маркеры, материал и орнамент были тремя составными компонентами визуального языка головных уборов, чапанов и ювелирных украшений одежды чингизидов. Они наглядно демонстрировали особый статус султанского сословия, и его исключительные политические права. Это была преимущественно красная окраска личных суконных и бархатных чапанов и белый цвет матерчатых конусообразных шапок, отороченных снизу исключительно мехом чернубурой лисицы. Красный и белый цвета обладали в традиционном общественном сознании казахов-степняков сходным семантическим значением, символизировали превосходство в происхождении, божественную лучезарную природу принадлежавшей казахским чингизидам по праву рождения политической власти и поэтому были взаимодополняемыми и взаимно усиливающими друг друга социальными признаками степной аристократической элиты. См.: *Ерофеева И.В.* Родословная казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы, 2003. С. 11–18.

35 *Султанов*. Поднятые на белой кошме. С. 66.

36 Hobsbawm, "Introduction: Inventing Traditions," in Hobsbawm and Ranger, eds., *The Invention of Tradition*, pp. 1–15, here p. 4.

37 Книга, содержащая журнал бытности астраханского губернатора А. Волынского при калмыцкой комиссии, по отъезде его из Астрахани в Казань // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 119 [Калмыцкие дела], оп. 119/1, 1723–1725 гг., д. 6; Из журнала М. Тевкелева, ездившего в Младший Жуз для переговоров о подданстве казахов // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 33. 3 октября 1731 г. – 14 января 1733 г. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 48–86; Журнал начальника Оренбургской экспедиции В.А. Урусова. 19 августа по 1 сентября 1740 // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 70. 19 августа – 1 сентября 1740 г. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 134–168; Журнал следствию...астраханского губернатора Жилина к калмыцкому хану Дондук-Даше...апреля месяца 1758 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея РФ (ОПИ ГИМ), ф. 440 [коллекции И.Е. Забелина], оп. 1, д. 591, лл. 32–52об.; Журналы А. Тевкелева за 1755 г., 1757 г., 1758 г. // АВПРИ, ф. 122 [Киргиз-кайсацкие дела], оп. 122/1, 1755 г., д. 5; АВПРИ, ф. 122 [Киргиз-кайсацкие дела], оп. 122/1, 1757 г., д. 4; АВПРИ, ф. 122 [Киргиз-кайсацкие

Как показало исследование Ron Sela ритуал поднятия хана обращен к традиционным символам, но при этом каждая новая власть исполняет его по-своему. Таким образом, «хотя есть чувство культурной преемственности, новый ритуал — уникален».³⁸

Catherine Bell подчеркивает, что обращение к традиции ради легитимации не стандартизировано, ритуал поднятия пытается внушать культурные или политические ценности и создает новую практику даже если обращается к старой традиции.³⁹

Таким образом, при конструировании имперского пространства на основе церемоний возведения на трон ханов Россией была изобретена историческая преемственность, в которую должны были поверить новые кочевые подданные империи.⁴⁰ В церемониях были сохранены базовые элементы в соответствии с запросами калмыцкого и казахского общества. Так, например, день церемонии назначали сами кочевники, в обязательном порядке присутствовали принятые у калмыков и казахов религиозные действия: они начинались и завершались молитвой. Все церемонии проводились в торжественной обстановке, при стечении большого количества людей. Место проведения торжества и убранство юрты декорировалось в соответствии со вкусами кочевников. Организаторы церемоний оставили привычный порядок ритуалов. Так, она начиналась с представления присутствующим нового хана, затем проводился ритуал принятия присяги, вручались знаки ханского отличия, всем участникам раздавались подарки, и в завершении проводилась церемониальная трапеза.

В то же время в проведенных церемониях можно проследить определенные нововведения, которые символизируют глубину происходящих в степи изменений.⁴¹ Да, символы власти, которыми Российская империя наделяет кочевых правителей, по-прежнему представляют собой набор конституирующих инсигний кочевников: оружие, верхняя одежда и го-

дела], оп. 122/1, 1758 г., д. 8; Журнал, держанный...о следствии астраханского губернатора Неронова в калмыцкие улусы, для объявления о подтверждении наместника ханства калмыцкого Убаши в сем достоинстве...1762 г. октября месяца // АВПРИ, ф. 119, оп. 119/1, 1762, д. 20, л. 259–299об.; Бакунин. Описание калмыцких народов.

38 Sela, *Ritual and Authority*, p. 25.

39 Цит. По Sela, *Ritual and Authority*, p. 25.

40 Российская империя проводила церемониалы в регионе до отмены ханской власти в Младшем Жузе казахов в 1824 г. и ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г.

41 К этому времени в самой Российской империи церемонии стали неотъемлемой частью образа великой империи, мощным идеологическим фактором. В основе их лежали идеи незыблемости, вековечности и богоданности монаршей власти, величия и мощи империи. См.: Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX вв. М.: АиФ Принт, 2003; Уортман Ричард. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации Российских императоров // Герасимов и др. (ред.) Новая имперская история. С. 409–426.

ловной убор.⁴² Но при этом были внесены такие изменения в их декорировании, что они стали иметь другое символическое звучание. Так, например, казахам вручались шапки с черной лисицей, калмыкам соболья шапка, что было данью их старой традиции, также как и шуба, как верхняя одежда. Но при этом все изделия были выполнены в византийской манере. И шубы, и шапки были покрыты золотой парчой. Поскольку в византийской традиции поверх облачения было принято надевать длинную тунику, изготовленной из белой или пурпурной ткани или золотой парчи. Сабля была оправлена золотом и осыпана камнями. Репрезентативные инсигнии казахов — перстень и трон, а у калмыков — два флага теперь не рассматривались как необходимый элемент введения во власть. Мы видим, что новые артефакты, в основе которых лежали старые традиции стали служить смысловым маркером правителей, признанных Россией, власть которых утверждена, санкционирована императором.

Немаловажную роль в новых ритуалах играет цветосемантика, которая выступала в роли графических знаков. В убранстве места для церемонии всегда обильно использовались золото, золотой и красный цвета. Данные цвета в мировоззрении кочевников также вызвали ассоциации, связанные с властью, были указателями высокого и значимого, в противоположность низкому и профанному. В то же время такое же значение имели и для имперской топографии власти XVIII в.

Обязательной частью ритуала у казахов было раздача мелко разрезанной кошмы и верхней одежды хана присутствующим, которые уносили его в качестве реликвий. Эту часть церемонии видоизменили, раздавая всем богатые подарки.⁴³

42 Здесь следует оговорить, что обычай наделять калмыцких ханов знаками ханства от России имел место еще во второй половине XVII в. Но это была, скрытая форма подарков, нежели символ власти. Новые знаки ханского достоинства стали сознательно внедряться в конце первой четверти XVIII в. Дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и может быть у них в обычай сие со временем вошло, что кому того не будет дано, тот за прямого хана принят не будет. В этот период это были предметы вооружения и доспехи: саблю, панцырь с наручами и с прочим прибором и щит. (панцырь с наручами — предметы защитных доспехов, ерихонка — шлем из стали, булата, дамаска, довольно часто отделялись золотой и серебряной насечкой, гравировкой и даже украшались драгоценными и поделочными камнями; мисюрка — дешевый тип шлема). См.: *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и ч. IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань, 1929. С. 228.

43 Так, например, на церемонию возведения на трон Нурали-хана была выделена огромная сумма в 1000 рублей. Большую часть ее предполагалось истратить на угощение присутствующих и на подарки. Но в итоге бюджет был превышен более чем в два раза. На проведение церемонии была истрачена сумма в 2389 руб. 69 коп. Это была, с одной стороны, дань казахской традиции хан-талау, с другой, стремление продемонстрировать мощь и величие государства, назначающего казахского хана.

Но реакция калмыков и казахов на нововведения в отправлении церемониала была разной. Так, например, в первой половине XVIII в. были проведены три церемонии в отношении калмыцких правителей.⁴⁴ Во всех случаях калмыки тайно и явно отказываются совершать новые ритуальные действия. Так, например, в 1725 г. калмыки согласились на протокольную встречу претендента двумя ротами драгун, сопровождением ее барабанным боем. Но сценарий был сломан, когда дошло до присяги.⁴⁵ Во время церемонии 1731 г. в отношении Церен-Дондука казалось бы все новые протокольные элементы были выдержаны, включая и вручение знаков ханского отличия.⁴⁶ Но в 1735 г. калмыки проводят в отношении того же хана церемонию в присутствии представителей Далай-ламы в подчеркнуто-буддийской манере. А последующая церемония, проведенная Российской империей в честь провозглашения ханом Дондук-Омбо — сплошное нарушение протокола. Так, он не захотел присутствия гренадеров, драгун и казаков, торжественного караула с барабанным боем и пушечной пальбой. Дондук-Омбо внес коррективы и в ритуал принятия присяги, отказался от церемониального застолья. Таким образом, в случае с калмыками мы видим, что они правильно прочитали текст посланий от России, и своим отторжением изобретенных традиций, демонстрируют нежелание войти в российское имперское пространство.

Реакция казахов на новые ритуальные комплексы вокруг старых обрядов была более податливой. До середины XVIII века у казахов не было смены хана на престоле, поэтому новые церемонии проводятся как акт принятия присяги на верность российской короне. Абулхаир был избран ханом казахов до вступления в подданство России. Но он дважды был участником церемонии принятия присяги. Первая по своей форме по сути дела была и не церемонией, поскольку проходила в обстановке ожесточенного сопротивления со стороны казахской знати вступлению в российское подданство. Поэтому грамота была вручена хану ночью (в 10 часов), присяга на верность была принята через три дня в обстановке угроз со стороны старшин, а знаки ханской власти вручены спустя месяц, во время обеда. Через пять лет, когда влияние России в казахской степи значительно укрепилось, была совершена вторая церемония принятия присяги. Она проходила (в г. Орске, 3 августа 1738 г.) в торжественной обстановке, по тщательно разработанному сценарию с такими эффектными элементами протокола, как приветствие роты драгунских солдат под звуки медных труб и литавров, парадный смотр местных подразделений войск, артиллерийский салют и богатые подарки. Все эти почести напол-

44 В 1725 г. церемония утверждения наместником ханства Калмыцкого Церен-Дондука, в 1731 г. — церемония в честь назначения Церен-Дондука ханом и в 1758 г. — церемония в честь провозглашения Дондук-Даши ханом калмыков.

45 Пальмов. Этюды по истории приволжских калмыков. С. 323.

46 См.: Доржиева. Исход калмыков в Китай в 1771 г. С. 28.

нили Абулахир-хана гордостью, что его «имя в таком великом и славном государстве известно».⁴⁷ Российское правительство получило в лице казахского хана преданного и лояльного подданного. В то же время сильный ритуальный комплекс, который формировался вокруг церемонии: звуки медных труб, парадные мундиры драгун, артиллерийский салют, несомненно, оказали политико-психологическое воздействие и на присутствующих. Потому что на следующий на следующий день присягу в верности русской императрице принесли ханский сын, султан Ералы, 56 старшин, биев, батыров. А это означало, что вместе с ними российскими поданными стали члены их рода.

Убийство казахского хана Абулхаира в 1748 г. стало неким рубежом, когда российские власти должны были определиться с дальнейшей стратегией в отношении ханской власти в Казахстане.

Первый оренбургский губернатор И. Неплюев стал проводить политику изменения порядка престолонаследия у казахов. Он предпринимает конкретные шаги, направленные на вмешательство в выборы нового хана у казахов, которые должны быть отражены символически. В основе ее лежит идея, чтобы участники церемонии конфирмация увидели бы, что «киргиз-кайсацкие ханы ханство получали не своей воле или по одной народной воле, но с Высочайшего Е.И.В. соизволения и подтверждения».⁴⁸

Во второй половине XVIII в. Российская империя изменила порядок престолонаследия и калмыков и у казахов. Сначала императором утверждалась кандидатура хана, затем появлялся указ об обряде возведения на трон. Поэтому церемонии в отношении калмыцких ханов Дондук-Даши 1758 г., в отношении Убаши 1762 г., а также казахского хана Айчувака 1798 г. характеризуется более формальным порядком проведения.⁴⁹ К тому же в этот период свои плоды приносит целенаправленная политика в отношении ханской власти. В реальной жизни престиж ханской власти упал. Но опять-таки Российская империя использует их символический эффект.

47 *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алма-Ата, 1999. С. 225.

48 По донесению И. Неплюева от 3 сентября 1748 г. можно проследить конкретные шаги, направленные на вмешательство правительства в выборы хана. См.: Донесение оренбургского губернатора И. Неплюева Коллегии иностранных дел об убийстве Абулхаира и предпринятых им в связи с этим мерах // КРО-1. Док. № 153. 3 сентября 1748. С. 399–400; О деятельности И. Неплюева в Оренбургском крае, см.: *Ерофеева. Хан Абулхаир.* С. 259–268.

49 Как верно заметил Ron Sela инаугурационные церемонии в казахских землях очень другую форму вслед за российской экспансии степи. Описание церемонии хана Младшего Жуза казахов Ширгази 1812 года показывает, что она носит формализованный характер, с большим перевесом имперских элементов. Особенно в глаза бросается отсутствие неизменного элемента — поднятия на кошме. Символическим является полное отсутствие казахской родовой знати в отправлении церемонии. См.: Sela, *Ritual and Authority*, p. 54.

В церемониях теперь был сделан сильный акцент на знаковую сторону бытового поведения: одежде, мебели, посуде. Так, место торжественной трапезы занимает бал у губернатора. Дамы должны были прийти в бальных одеждах, в соответствии с имперской модой. А торжественный ужин присутствующие вкушали, сидя за столом на стульях, с использованием столовых приборов. Таким образом, акцент на торжествах, окружающих церемонию стал отражением другого уровня коммуникации внутри империи.

Во второй половине XVIII века Российская империя предпринимает постепенные шаги для ликвидации системы ханской власти у казахов и калмыков и замене их общероссийскими бюрократическими институтами. В казахской степи — это были мероприятия, направленные на поддержку и усиление султанов, чтобы ослабить ханов. В последующем, разрабатываются мероприятия, направленные на разрушение традиционного союза между чингизидами и казахской родовой знатью — фундамента политической системы у казахов.⁵⁰ Данная программа изменяла социальную базу, методы политики России в регионе. Необходимость реформы была обусловлена слабостью военной мощи России на пограничной линии, обострением внутренних противоречий у казахов. Главным в предложенной программе являлась ставка не на ханскую группу, а на старшин, при налаживании российской администрации, опорных военных пунктов.

У калмыков при проведении реформы по губернскому образцу, при Екатерине II была проведена радикальная реорганизация Зарго. Была введена новая пропорциональная избирательная система. Это означало, что распределение мест в Зарго не зависело более от наместника, что значительно ослабило его позиции. При таком положении ханская власть потеряла свое значение.⁵¹

Практическую реализацию данного правительственного курса сопровождает целый комплекс новых ритуалов и символов. В этот период появляется огромное количество грамот, которые под разными предлогами вручаются представителям всех знатных сословий. Множатся всякие патенты о наделении калмыцких зайсангов и казахских старшин почетными титулами. Каждый их «благой» поступок поощряется. И все это сопровождается специальным ритуальным комплексом. Россия вспоминает титул тархана, который монгольские ханы даровали военной аристокра-

50 В этот период Россия проводит политику по привлечению на свою сторону казахских старшин. В журнальной записи переговоров генерал-лейтенанта князя В. Урусова, начальника Оренбургской экспедиции с представителями Младшего и Среднего жузов в Орске с 19 августа по 1 сентября 1740 г., сохранились подробные описания дипломатического приема казахских султанов, детей Абулхаир-хана Нурали и Ералы, а также церемония принятия присяги старшин.

51 *Доржиева*. Исход калмыков в Китай в 1771 г. С. 38.

тии за особые заслуги⁵² и наделяет им калмыцких зайсангов и казахских старшин. Но изобретая традицию в отношении кочевой знати, стоящей на более низкой сословной ступени, чем султаны правительство «приписывает» им новые права, которыми они не обладали по праву рождения. Таким образом, Российская империя вмешивается в социальную организацию кочевников, преобразовывая ее на новый лад.

Таким образом, Российская империя, не считаясь с затратами, переносит на далекие окраины действие, проходящее в Императорском дворе, при коронации императоров. И теперь участниками этого креолизованного действия становятся новые подданные. Что дает империи этот затратный для казны церемониал? Каковы были истинные цели России? Симулируя приверженность традициям, в частности в обрядах интронизации ханов, центральные власти изобретали традиции, которые символизировали собой поэтапные шаги России в замене институтов власти кочевников российскими органами управления. В этом смысле новые ритуалы как официальное приветствие роты драгунских солдат, звуки медных труб и литавров, парадный смотр местных подразделений войск, артиллерийский салют знаменовали собой новый порядок организации власти. Поэтому негативную реакцию калмыков на новые имперские ритуалы, нежелание их отправлять, можно расценивать как нежелание никакого вмешательства России в их институты власти. Разная реакция калмыков и казахов на новые ритуальные комплексы вокруг церемоний восшествия на трон, как показали дальнейшие события, была разной реакцией на российское вмешательство в их привычный уклад жизни. Так, волжские калмыки спустя столетия российского подданства откочевали на свою историческую Родину. А казахи приняли все российские нововведения, оставшись в лоне империи.

МЕТОДЫ ЭКСПАНСИИ ИМПЕРСКОЙ ИДЕИ СРЕДИ КОЧЕВНИКОВ

Освоение Россией Северного Прикаспия совпало по времени с укреплением имперской идеи в самой России. Краеугольным камнем имперской идеи был культ императорской власти. Личность императора считалась священной постольку, поскольку он занимал самое высокое, самое почетное место в государстве. Сильной подпиткой имперской идеи явились успешные войны в петровскую эпоху. Имперская идея диктовала перед политическими деятелями некую идеальную цель — умиротворение всех подданных под скипетром монарха. Кроме больших прав у императоров были и обязанности. И главной среди них считалась забота о подданных — залог прочности и гармонии государства.

Для экспансии имперской идеи среди кочевников Северного Прикаспия были изобретены традиции приема кочевых посланников в Им-

52 Султанов. Поднятые на белой кошме. С. 31.

ператорском дворе. Ремнев и Сухих рассматривают приемы посольств в сценариях российской власти, с одной стороны, как способ демонстрации могущества империи своим подданным, с другой стороны, как «язык общения со своими нерусскими подданными, который помог бы им осознать все выгоды пребывания в империи и проникнуться уважением и почтением к своему новому отечеству».⁵³

Калмыцкие и казахские послы принимали участие в посольском церемониале, важнейшем из дворцовых церемониалов. В основе дипломатического церемониала лежали проблемы престижа государства на международной арене. Порядок и аудиенции послов был разработан до мельчайших подробностей при Елизавете Петровне (в 1744 г.) в «Церемониале для чужестранных Послов при Императорском Всероссийском Дворе». Документ детально расписывал правила протокола и этикета приезда иностранного посла в страну, его прием при дворе, въезд послов, вручение верительных грамот, порядок нанесения визитов, а также различные виды аудиенции. Аналогичную функцию при цинском дворе отправлял специальный раздел «Полного свода церемоний Великих цинов, 1756 г.» — «Гостевой ритуал», который определял порядок официальных приемов и «зрелищных торжеств по солнцестояниям».⁵⁴

Подробное описание движений, местоположения, позиций участников церемонии приема послов показывают, что и в российском, и в цинском случае это были формальные средства выражения, язык, через которую моделировалась имперская верховная власть. James Hevia рассматривает его как символический способ конструирования отношений зависимости тибетских лам от цинской империи.⁵⁵ М. Ходарковский также рассматривал дипломатический этикет по отношению к калмыкам как символ подчинения и зависимости.⁵⁶

53 Ремнев А., Сухих О. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 121.

54 См.: James Hevia, "Lamas, Emperors and Rituals: Political Implications in Qing Imperial Ceremonies," *Journal of the International Association of Buddhist Studies* 16:2 (1993), pp. 243–278.

55 Hevia, "Lamas, Emperors and Rituals," p. 263.

56 М. Ходарковский одним из первых рассматривал дипломатический этикет по отношению к калмыкам как символ подчинения и зависимости. См.: Michael Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771* (Ithaca and London: Cornell University Press, 1992), p. 58; Кундакбаева Ж.Б. Прием калмыцких послов в Российской империи: бытовое обслуживание // Материалы Всероссийской научной конференции «Проблемы истории сервиса: здравоохранение, питание, досуг». 9–10 декабря 2003 г. М., 2003. С. 193–203; Она же. «Били челом в Посольский приказ»: О пребывании калмыцких посланников в Москве во второй половине XVII в. // Востокведные исследования в Калмыкии. Вып. 2. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2007; Условия пребывания калмыцких послов в Российской империи в первой половине XVIII в. // Вестник КИСЭПИ. Элиста: КИСЭПИ, 2007.

К сожалению, источники, в которых бы содержались отчеты, воспоминания казахских послов об императорских аудиенциях отсутствуют. Поэтому мы не можем, как в случае с тибетскими ламами у James Nevia анализировать как воспринимали аудиенцию у императора казахские послы.⁵⁷ Мы можем говорить только о мотивах России, и по косвенным признакам судить о реакции кочевников. Конечно, протокольная встреча послов, аудиенция у императора, обмен речами, вручение подарков не могли не произвести впечатление на участников посольского приема. Но в начале XVIII в. круг этих лиц был весьма ограничен — это были в основном представители ханского дома и его ближайшего окружения.⁵⁸ А уже в конце XVIII в. стало обычной практикой отправлять в Императорский двор родовых начальников, то есть представителей знати, которые в социальной иерархии казахов стояли на более низкой ступени, чем ханы и султаны. При этом они удостаивались чести быть представленными двору.⁵⁹

В начале XIX в. прием послов в Императорском дворе, становится узнаваемой традицией, пережившей период рутинизации. К этому времени поток кочевников, желающих побывать в Императорском дворе настолько возрос, что оренбургский губернатор Волконский разработал

57 Ремнев и Сухих сложность реконструкции культурного языка казахов-посланников объясняют тем, что империя стремилась монополизировать не только язык репрезентации, но и право оценивать успешность коммуникации в имперском пространстве. См.: *Ремнев, Сухих*. Казахские депутации в сценариях власти. С. 121.

58 См. «Речь Ералы-султана в Санкт-Петербурге на приеме у императрицы Анны и ответная речь вице-канцлера А. Остермана» // *Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документ № 47, 48*. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 103; Речь султана Джаныбека на приеме у императрицы Елизаветы Петровны, ответная речь канцлера гр. А.Т. Бестужева-Рюмина // *Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1961. Документ № 174*. С. 133; В материалах посольства калмыцкого хана Дондук-Даши сохранилась записка о том, каким образом наместник ханства должен вести себя на аудиенции. В документах посольства приведены также речи, которыми обменялись калмыцкий наместник и императрица // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1742 г., д. 25, л. Зоб.-4; Приезд в Москву и отпуск калмыцкого владельца Доржи Назарова посланца... // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1722 г., д. 11; Приезд в Москву, присланных от наместника ханства калмыцкого Черен-Дондука... // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1727 г., д. 11; Приезд в Москву, присланного от калмыцкого наместника ханства Черен-Дондука...о чинимых к ним набегов от киргиз-кайсаков... // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1728 г., д. 20; Приезд в Москву и отпуск в калмыцкие улусы посланцев: от Аюкиной жены Дармы-Балы... // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1729-1730 гг., д. 16; Приезд в Москву ...Дондук-Даши...для поздравления императрицы Елизаветы Петровны и для представления о нуждах своих в 14 пунктах изложенных // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1741 г., д. 25; Приезд калмыцкого посланца Темир Болата с прошением о постройке на Яике двух крепостей, о сохранении его улусов от киргиз-кайсаков // *АВПРИ*, ф. 119, оп. 119/1, 1740 г., д. 32.

59 *Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1961. Документ № 70*. С. 138.

проект «Правила и осторожности при позволении родовым начальникам ехать к императорскому двору». В ней было четко обозначено, что ко двору следует присылать «только тех, которые имеют влияние и могут оказывать услуги».⁶⁰

Императорский двор выступает как социокультурный локус. Непосредственный контакт в обстановке, в которой происходило отправление власти, также как и артефакты императорской власти, несомненно, надолго закрепились в сознании послов как знак важнейшего события. Кроме того, внутренняя структура, особый быт этого особого учреждения служили очень эффективным и действенным методом репрезентации Российской империи.

Но такая форма презентации имперской идеи была связана с большими затратами, поэтому для основной массы кочевников были разработаны другие методы культурно-ментальной экспансии имперской идеи. К тому же прием послов в Императорском дворе — относительно новая традиция и круг лиц все равно узок.

Более действенной мерой становится новая изобретенная традиция — публичное поощрение за оказанные услуги, заслуги перед империей. Участниками ритуальных комплексов публичных похвал, пожалований почетных титулов, подарков становится гораздо больший круг людей. К середине XVIII века Российская империя уже имела определенные представления о системе поощрений принятой у калмыков и казахов, поэтому внедрение ее в обычную практику происходило незаметно и имело большой эффект в вовлечении в имперскую сеть разных социальных слоев кочевого общества.

Одними из таких методов стали политические послания, через которые император обращается к своим кочевым подданным. Вначале это грамоты и присяги на верность, которые вручались ханам и узкому кругу лиц для подтверждения верноподданнических чувств. К середине XVIII века становится обычной практикой вручение Высочайших грамот, патентов на звание, грамот о наделении титулом, указов о наградах, именных подарков с дарственной надписью всем представителям знати.⁶¹ Они

60 «Правила и осторожности при позволении родовым начальникам ехать к императорскому двору» // АВПРИ, ф. СПб. ГА [Главный архив], № 161, II-25, оп. 70, 1802 г., д. 5, л. 1-2об.

61 В этот период значительно расширился круг казахской знати, награжденных Высочайшими грамотами, появились грамоты о наделении старшин почетными титулами (тарханами-авт.), поощрения за «благие» поступки. См.: Грамота императрицы Екатерины II хану Нурали с благодарностью за оказанную помощь в борьбе против Е. Пугачева // Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (1771-1867). Алма-Ата: Наука, 1964. Документ № 33. С. 74; Грамота императрицы Екатерины II данной султану Айчуваку за верность и помощь правительству против Е. Пугачева // Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (1771-1867). Алма-Ата: Наука, 1964. Документ № 36. 1774. С. 78; Грамота императрицы Екатерины II казахскому населению

вручаются часто, под разными предлогами. И самое главное вручение сопровождается новыми ритуалами, носящими протокольный характер. Это оказывало большое психологическое воздействие. Разными средствами создавался эффект непосредственного контакта с императором. Тем самым политические послания выполняли функцию символической легитимизации власти императора. С другой стороны, они были направлены на формирование у кочевников верноподданничества императору — «верховному хозяину земли».⁶²

Конечно, семантика текстов проста и понятна: это тексты с яркой идеологической направленностью. В них отчетливо проявляется позитивная стратегия расширяющейся империи. В текстах к подвластным России народам отчетливо звучат мотивы монаршего благоволения к «верному народу» и требования от них подданнической верности.

Но в условиях неграмотности населения Российская империя уделяла большее внимание визуальному эффекту от своих посланий, а также вводила новые ритуальные формы при их вручении. Документы показывают, что на соответствующее оформление политических текстов, разработку дизайна центральное правительство не жалело ни сил, ни средств. Об этом говорят такие факты, что тексты писались или на пергаменте⁶³ или на Большом Александрийском листе. А готовили при Гербальдии, там, где составлялись и утверждались гербы.⁶⁴ Процесс изготовления грамот и патентов проходил длинный путь. Текст готовился в Сенате, затем его переносили на пергамент. Затем заполненный патент возвращали в

семиродского рода Младшего Жуза с благодарностью за верность России // КРО-2. Док. № 71. 1789. С. 132; Грамота императрицы Екатерины II старшине алимулинского рода бию Каракубеку на тарханное звание // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867). Алма-Ата: Наука, 1964. Документ № 72. С. 132; Грамота императрицы Екатерины II султану Ерали // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867). Алма-Ата: Наука, 1964. Документ № 73. С. 133; Грамота императрицы Екатерины II султанам, биям, батырам и старшинам и всему казахскому населению Младшего Жуза по случаю избрания нового хана // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867). Алма-Ата: Наука, 1964. Документ № 74. С. 134.

62 Грамота императрицы Екатерины II хану Нурали, старшинам и всему казахскому народу по случаю ее восшествия на престол // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 249. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 638.

63 Пергамент — недубленая кожа из шкур крупного рогатого скота и свиных шкур, который служил материалом для письма. Так, например, если грамота Абулхаир-хану в 1731 г. была написана на хорошей бумаге, запечатана Государственной среднею печатью под кустодиею, то грамота Нуралы-хану 1748 г. была написана «на паргамине шириною в аршин, в украшенных рамках..., с государственной среднею печатью, титул Ее Императорского Величества писан как на российском языке, так и татарском золотом. Обложена оная золотую парчею, а в середине проложена тафтою» // АВПРИ, ф. 122, оп. 122/3, 1791 г., д. 1, л. 13об.

64 Еще в правление Петра I в Петербурге была создана Герольдмейстерская контора (Гербальдия), которая должна была разрабатывать и утверждать гербы.

Правительствующий Сенат, где его окончательно готовили для вручения. Особенно впечатляло, что при изготовлении грамот и патентов обильно использовалось золото: золотом писали титул, украшали патент золотым глазетом, золотой парчой, золотым шнуром и золотой кистью. По краям грамоту обкладывали золотой парчей, в середине тафтой.⁶⁵

Следует подчеркнуть, что тщательно продумывался сценарий вручения, нередко в церемониальных формах, завершаясь ритуальной трапезой. В данном случае политические послания выступают в роли креолизованных текстов или смешанных знаков. Они совмещают в себе вербальные и невербальные компоненты, чем достигался больший коммуникативный эффект. Обозначенные выше традиции были новыми, но к концу XVIII века у них есть уже свое прошлое. Поэтому они широко укоренились, стали привычными и узнаваемыми, привлекая в зону имперской коммуникации новые слои кочевого населения.

Другой мерой становится практика награждения именными саблями с надписями не только ханов, но и других представителей кочевой знати.⁶⁶

Как вещь оружие (мечи и сабли) обладают явными физическими свойствами демонстративности. Оно хранилось дома, постоянно напоминая об акте дарения, и становилось символом принадлежности к определенной социальной сети, как память о тех членах, которые его преподнесли. К тому же они украшались дарственной надписью, что вдвойне усиливает память.⁶⁷

65 Сохранилось подробное описание патента, в котором отмечалось, что «Титул писан золотом, обложен патент золотым глазетом и сверху русского положена золотом тафта. Снизу все прошито золотым шнуром, каковым прошиваются даваемые от Сената на дворянство и деревни дипломы и грамоты. По сторонам патента по одной золотой кисти» // АВПРИ, ф. 122, оп. 122/3, 1791–1792 гг., д. 1, л. 16 и 16об. Императрица Елизавета Петровна в указе оренбургскому губернатору И. Неплюеву об утверждении Нурали ханом подчеркивает: «оному Нурали-хану и патент на ханское достоинство здесь написан и украшен приличными лаврами, золотом и красками» // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 175. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 445.

66 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 218. 1758 марта 27. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 551; АВПРИ, ф. 119, оп. 119/1, 1762 г., д. 20, л. 144, 271.

67 Следует отметить, что надписи на саблях выполняли рисовальных дел мастера. В архиве сохранилась ведомость о начислении вознаграждения «за работу и за употребленное собственное золото» мастеру Ивану Пермяку «ведомства обер-егермейстерской канцелярии» // АВПРИ, ф. 119, оп. 119/1, 1762 г., д. 20, л. 40. Сабля, с ножнами в серебряной и позолоченной оправе, изготовленная мастером, была предназначена Убаши. На ней была надпись: «Божиею милостию Петр Третий, император и самодержец Всероссийский пожаловал сею саблею подданного своего Убашу, наместника ханства Калмыцкого при подтверждении его в сем достоинстве. 1762 г.» // АВПРИ, ф. 119, оп. 119/1, 1762 г., д. 20, л. 255. На сабле калмыцкому владельцу Бамбару была высечена надпись: «за добрый поступок по случаю прихода под калмыцкие улусы зимою киргиз-кайсацкой воровской партии и разбитии оной». На обратной стороне сабли надпись была высечена по-калмыцки // АВПРИ, ф. 119, оп. 119/1. 1762 г., д. 20, л. 144, 271.

Эффективно использовала Российская империя и традицию дарения ценных подарков как средство расширения круга людей, вовлекаемых в имперское пространство. Символика актов дарения вполне понятна. Это — прежде всего напоминание, что даритель, в данном случае императрица и получатель принадлежат к одному государству. Стоимость подарка заключена в информации, которую она в себе несет: «Я тебя помню, мы по-прежнему вместе». Важно, что акт дарения ритуализируется, потому что вручается в присутствии огромного количества людей, сопровождается застольем. Ритуалы в данном случае выполняют функцию политической социализации, укрепления эмоциональной связи кочевой элиты с имперской властью.

Обеды и трапезы как средства «поглощения» имперских символов

На всем протяжении XVIII века Российская империя придает большое значение и вербальным знакам политического дискурса. К ним относятся слова, высказывания и даже прецедентные тексты чиновников местной администрации. Они приезжали на окраины с устойчивым имперским сознанием, в которых растворялись религиозные, национальные и даже сословные интересы. Чувство причастности к огромной стране усиливалось на чужбине, в ситуации, когда отстаивание интересов империи являлось для них смыслом службы. Они являются актерами и исполнителями новых спектаклей в отношении новых подданных. Так, например, чиновники поняли большую ценность в традиционном сознании казахов обычая гостеприимства, закреплённого в обычном праве (адате). Ими были «разгаданы» и другие «знаки» в культуре казахов. Например, такого, что принятие угощения, предложенного хозяином, является символом уважительного, толерантного отношения, сигналом готовности к диалогу. Они увидели особое отношение казахов к угощениям и застолью, атмосфере доверия и благодушия, которое охватывало сидящих за столом. Поэтому совместные трапезы становятся местом для ведения переговоров, для налаживания контакта с казахской элитой. Но самое главное, и эффективной площадкой для бесед с имперским подтекстом.⁶⁸ Тем более, так как встречи за столом не были церемониальными, они не требовали больших затрат.

Ярким примером прецедентной речи может служить пламенное выступление А. Тевкелева во время обеда в 1731 г. Текст и риторика были построены так, чтобы слушающие ни на минуту не забывали и о том, что оратор является представителем расширяющейся империи, ошеломив-

68 Из дневниковых записей, зафиксировавших беседы, можно сделать вывод, что Тевкелеву удалось в неформальной обстановке быстро наладить контакты с казахской элитой. См.: Из журнала М. Тевкелева, ездившего в Младший Жуз для переговоров о подданстве казахов // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 33, 3 октября 1731 г. – 14 января 1733 г. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 53.

шей Европу дипломатическими и военными успехами.⁶⁹ Немаловажное значение имело то, что он говорил с сидящими на одном языке.

Другим примером вербальной репрезентации империи были разговоры за столом, которые вел князь Урусов. Во время первого обеда он рассказывал казахским султанам и старшинам о русско-турецкой войне 1735–1739 гг., о победе России в этой войне, несмотря на многочисленность турецкого войска.

Во время второго обеда князь вызвал султана Ерали, который во главе посольства побывал в Петербурге и был принят императрицей на разговор о его путешествии в Россию. Реакция слушателей, сраженных мощью и величием государства, к которому они присоединились была такова: «Мы счастливы, что в подданстве у такой славной и сильной государыни».⁷⁰

Для прецедентных текстов деятелей местной администрации во время совместных трапез характерна повышенная экспрессивность дискурса. Сухому изложению фактов или логическим рассуждениям они предпочли лирические излияния, прославление подвигов. Главной целью этих речей было взволновать, возбудить слушателей с помощью слов или образов, вывести слушающих из спокойного, безразличного состояния.

Перечисленные выше примеры совместных трапез относятся к области обыденного. Опираясь на знания, полученные эмпирическим путем, представители местной администрации использовали обычай гостеприимства у кочевников как средство установления контактов и репрезентации имперских идей и ценностей.

В XVIII веке все более распространенной практикой становятся церемониальные трапезы. При этом правительство имело четкое представление о роли ритуальных трапез в жизни кочевников. Все значимые события, как в жизни отдельной личности, так и социума в целом сопровождались церемониальным застольем, которое имело свой этикет и в оформлении стола, и в порядке подачи блюд. Поэтому в статьях расхода на организацию церемоний со стороны России, затраты на застолье составляли немалую часть.

Российская империя оставляет базисные элементы в организации застолий, но затем постепенно видоизменяет их. Так, в списке перечня

69 Так, например, во время первой поездки к казахам (он был во главе дипломатической миссии для принятия присяги у казахского хана, султан и старшин на верность России в 1731 г.), находясь во враждебно настроенном окружении, А. Тевкелев выступил как транслятор имперских идей. См.: Из журнала М. Тевкелева, ездившего в Младший Жуз для переговоров о подданстве казахов // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 33, 3 октября 1731 г. – 14 января 1733 г. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 53.

70 Журнал начальника Оренбургской экспедиции В.А. Урусова. 19 августа по 1 сентября 1740 // Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документ № 70. 19 августа – 1 сентября 1740 г. Алма-Ата: Наука, 1961. С. 134–168 (см.: С. 138, 139, 141).

событий, сопровождающихся праздничным застольем, вводится практика угощения ханской семьи и его ближайшего окружения в честь дня рождения государыни.⁷¹ Такие обеды можно отнести к символическим действиям неритуального характера. Они были одновременно и политической акцией, и формой театрализованной метафоры. Обеды в честь дня рождения государыни получают множественное означивание, становятся «знаком, наложенным на знак». Российская империя семиотически воплощается в фигуре своего императора: он становится знаком, поскольку несет информацию не только о себе самом, но и о возглавляемом им государстве. Сидящие за столом оказывались участниками общеимперского праздника. В самом деле, разделяя друг с другом пищу, люди одновременно питали и свою память. Вместе с едой люди поглощали и имперские символы. Это имело большое воспитательное значение особенно для молодого поколения и детей.

Другие новшества касались оформления столов при официальных трапезах. Характерной чертой российского церемониального застолья было пристрастие к изысканным формам столового убранства. Роскошь заключалась в подборе изысканной посуды, столового серебра и скатертей.

Но целью ритуального застолья было объединить собравшихся, приобщить гостей к дому, сделать его «своим» для участников церемониала.⁷² Символическая функция церемониального застолья всегда одна и та же — поглощение участников застолья внятных всему коллективу символов. Новые репрезентации, сопровождающие трапезы: тосты, сопровождаемые залпами пушек, убранство стола, этикет, иная пространственная среда — все имело символическое значение. Таким образом, эти трапезы приводили в действие двойную логику — и символическую и социальную.

Другое значение пышного убранства стола было в стремлении изменить пространственные символы социальных отношений. Так, симулируя постоянство и неизменность форм, меняется этикет, его кинетические, вербальные и предметно-пространственные компоненты, знаковая сторона бытового поведения. Это ярко иллюстрируется следующими примерами: так, например, Калмыцкий хан Дондука-Даши просит губернатора дать ему поваров для ответного обеда участникам инаугурации в 1758 г. В ответ губернатор отправляет к нему не только поваров, но и «столы, стулья, скатерти, салфетки, столовую и поваренную посуду, хлеб

71 В дневнике Тевкелева за 1755 г. (18 декабря) сохранилась запись об обеде, который был дан казахскому хану, его семье и ближайшему окружению в честь дня рождения государыни. Журнал А. Тевкелева за 1755 г. // АВПРИ, ф. 122, оп. 122/1, 1755 г., д. 5, л. 123об.

72 *Захарова*. Власть церемониалов и церемониалы власти. С. 128.

и прочее».⁷³ Или, например, к месту проведения церемонии Убаши в 1762 губернатор прибыл с огромным багажом, в котором была «поваренная и столовая посуда, стулья и столы».⁷⁴ До церемонии во время предварительных переговоров гости были посажены на стулья. А во время ритуального обеда гости были посажены за столы, убранные по российскому обычаю.⁷⁵

При церемонии утверждения казахского хана Айчувака в 1798 г. церемониальный обед был дан губернатором в загородном доме. Спустя два дня после ее проведения хан с султанами, старшинами и биями был приглашен на бал и ужин.⁷⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII веке в процессе геополитического расширения на Восток, Российская империя устанавливает контроль над северным побережьем Каспийского моря. Здесь Россия сталкивается со многими трудностями. Это были огромные степные пространства, населенные кочевниками, о которых они почти ничего не знали. В свою очередь кочевники почти ничего не знали о России. К тому же Российской империи предстояло внедрить новую систему государственной власти народам, которым чужда идея центральной власти вообще. Другой важной задачей был процесс замены институтов власти кочевников российскими органами бюрократического управления. Это был сложный процесс, который занял много времени. До этого потребовался длительный переходный период, когда Российская империя устанавливает контроль над институтами власти кочевников. На этом этапе важным было выстроить оптимальные отношения с кочевой элитой: усилить одних, ослабить других, чтобы постепенно ограничить их власть, подчиняя общеимперским интересам. И здесь Российская империя выступила автором и исполнителем тонкой и невидимой работы, направленной на вытеснение институтов власти у кочевников. Третьей задачей было культурно-ментальная экспансия империи. Следовало изменить образ жизни, типы потребления, ценностные установки кочевников.

В Северном Прикаспии в XVIII веке Российская империя впервые использовала технологии конструирования имперского пространства в кочевой среде. К этому времени в самой России сформировалась система

73 ОПИ ГИМ. ф. 440, оп. 1, д. 591, л. 45об.

74 Журнал... от 12 августа 1762 г. о следствии астраханского губернатора д. т. с. Неронова в калмыцкие улусы для объявления о подтверждении наместника ханства Убаши в сем достоинстве Высочайшей грамотою // АВПРИ, ф. 119, оп. 119/1, 1762 г., д. 20.

75 Журнал... от 12 августа 1762 г. о следствии астраханского губернатора д. т. с. Неронова в калмыцкие улусы для объявления о подтверждении наместника ханства Убаши в сем достоинстве Высочайшей грамотою // АВПРИ, ф. 119, оп. 119, д. 20, л. 265, 266 об., 268об., 274об., 278об.

76 АВПРИ, ф. 122, оп. 122/3, 1798, д. 2. Меньшая Орда. л. 1-1 об., 9, 10об.

символического бытования власти в разных проявлениях: от поощрения в форме орденов, знаков отличия и почетных титулов до регламентации устройства досуга политической элиты.

Многочисленные документы показывают то, что Российская империя не жалела ни сил, ни средств для формирования среди кочевых подданных более устойчивого восприятия всех своих действий. Имперской власти нужны были символические формы, которые выражали бы сам факт непрерывности и перспективности ее правления и оправдывали его.

В рамках репрезентации Российской империи многие политические ритуалы и символы, узнаваемые кочевниками, получили значение социальных инструментов политической легитимации и презентации верховной власти. Отбор и использование элементов культурных и общественных практик, имеющих безусловную ценность в глазах кочевников, происходил эмпирическим путем, поскольку период научного интереса, когда лингвисты, этнографы и историки исследуют народные традиции и сформируют на их основе культурный пакет, наступит позже. На основе ценностей и ритуалов, ассоциированных с прошлым, приспособляя их настоящим нуждам, были изобретены традиции, с помощью которых символическими средствами конструировалось имперское пространство в кочевой среде. Это был воображаемый проект, который шел под знаком имперско-государственной универсализации. Путем многократной апелляции к узнаваемому, существовавшему в прошлом обряду, Российская империя изобретает новые для того, чтобы выразить сам факт непрерывности и перспективности ее правления.

Так, например, акт провозглашения нового хана, становится основой для нового российского церемониала. В нем были оставлены все базовые элементы старого обряда: порядок ритуалов, религиозные элементы, знаки ханского отличия, праздничное застолье. В то же время в него привнесены новые ритуальные комплексы: приветствие оружием, залпами пушек, блеском золота, портретами императора, великолепием и роскошью церемониального застолья. Также появляются новые знаки, относящиеся к имперской топографии власти: особое оформление места для церемоний с использованием портретов императора, зеркал, что вызывало эффект присутствия фигуры императора — абсолютного властителя в рамках империи. Цветовое оформление мест церемоний в красных и золотых тонах также вызывает ассоциации с верховной властью. Грамоты и патенты кочевой знати, отголоски монгольского обычая — вручения знамен отличившимся становятся креолизированными текстами. В них сочетается вербальный и визуальный компонент, создающий образ власти. Артефакты — символы ханской власти, видоизменяясь, превращаются в имперские инсигнии.

В культурно-символической структуре кочевников особое место занимала социальная структура, существовали свои понятия, обозначающие эту структуру. Российской империи на пути к административной

ассимиляции предстояло разрушить эту структуру, чтобы ввести новые институты. Путем символических действий Российская империя возвышает и придает особый статус тем слоям кочевой знати, которым они не обладали. При этом изобретаются традиции даровать титулы и соответствующие привилегии кочевой знати за особые заслуги перед государем.

Во второй половине XVIII века изобретаются традиции, появление которых «менее легко проследить, но они устанавливаются с большей скоростью». Их цель — «социализация, внушение верований, систем ценностей и условностей поведения».⁷⁷ Так, кочевников приучают к хлебной пище, распространяют среди них городскую модель жизни, изменяют предметно-пространственную среду: одежду, мебель (столы и стулья), посуду (использование ножей и вилок, столовых сервизов), вводят новый этикет и даже регулируют устройства досуга кочевой элиты.

Конечно, процесс социального конструирования, направленный на создание гомогенного имперского пространства не был завершен в XVIII веке.

Проект — процесс конструирования единого пространства, автором которого в XVIII веке была Российская империя, был завершен в советское время, когда было создано единое советское пространство. А в настоящее время мы являемся свидетелями, того, как в постсоветских независимых государствах изобретаются новые традиции, чтобы вытеснить ту культурно-символическую структуру, которая была создана в имперский период истории.

⁷⁷ Hobsbawm, "Introduction: Inventing Traditions," in Hobsbawm and Ranger, eds., *The Invention of Tradition*, pp. 1-15, here p. 9.